

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Л.Г. БЫЗОВ

Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы

В статье содержится попытка анализа генезиса, содержания и перспектив наблюдаемого в современной России тренда на усиление консерватизма – как в массовом сознании, так и в информационном и политическом пространстве. Этот тренд формирует иллюзию объединения общества и власти в единую политическую нацию, чего не удавалось в постсоветской России более 20 лет. Однако за этой иллюзорной реальностью стоят новые угрозы и вызовы – ценностного раскола и гражданского противостояния. Этот тренд “сломам” наблюдавшуюся в 2000-е гг. тенденцию к выравниванию ценностного поля вокруг синтеза консервативных и либеральных ценностей и связанного с этим синтезом запроса нового российского среднего класса. Показывается, что в массовом сознании произошла реанимация архетипического массового сознания, проявляющаяся в ценностях укрепления державы, антизападничества, “русского мира”. Настроение общества в целом стало носить более радикальный характер, чем официальная политика власти. Общественному мейнстриму резко противостоит группа либералов-западников, ориентированных на европейский тип развития, ценности демократии и свободного рынка. В то же время ценности, во многом навязанные политической конъюнктурой, воспроизводятся консервативным большинством в качестве “парадных”, но “по жизни” носители этих ценностей далеко не всегда готовы им следовать.

Ключевые слова: консерватизм, неоконсерватизм, либеральное меньшинство, консервативное большинство, ценности, идеологии, архетипическое сознание; держава, антизападничество, радикализм, “русский мир”.

Консерватизм против неоконсерватизма

Минувший 2014 г. и начало нынешнего проходят под знаком доминирования в общественном сознании идей, которые обычно описываются общим понятием “консерватизм”. Это сплочение нации перед угрозой внешнего врага и внутренней “пятой колонны”, неприятие западного опыта и западной культуры, поиски “духовных скреп” и апелляция к традиционным моральным ценностям, таким как порядок, семья, стабильность, усиление роли государства, “державы”, рост влияния официального православия и клерикальных кругов. Идею “повестку дня” все чаще стали определять радикальные круги, а в самом обществе все заметнее проявляются взаимная агрессия и нетерпимость¹. Образ “гражданской войны”, если не “горячей”, то виртуальной

¹ Картина консервативной волны накануне событий на Украине 2013 г. изложена в марте 2014 г. в [Бызов 2014^a].

прорисовывается все более явственно. Данный список можно продолжать и дальше. В этом в самом по себе нет ничего нового. Можно из не самой давней истории вспомнить и последнее десятилетие царствования Николая I, и “победоносцевскую реакцию” после царевубийства – 1880-е гг., и, конечно, послевоенные годы середины XX в., вплоть до “оттепели”. Такие периоды “общественных заморозков” случаются в нашей стране с известной периодичностью, чередуясь с “оттепелями” и иными временами политического года. Если судить по данным социологических опросов, неизменно рисующих картину массовой поддержки всех “консервативных инноваций”, в пору говорить о свершившейся в стране консервативной революции.

В Институте социологии РАН более десяти последних лет отслеживается процесс ценностной эволюции российского общества. Среди прочих тенденций еще в 2001–2002 гг. был выделен феномен “неоконсервативной волны”, тогда еще многими не признававшийся магистральным (см. [Бызов 2014^б; Бызов 2010; Бызов 2002]). Подчеркну в этой связи принципиальные различия между неоконсерватизмом и консерватизмом. Принято считать, что неоконсерваторы настаивают на самостоятельности экономической сферы общественной жизни и необходимости освобождения ее от государственного регулирования, а консерваторы, напротив, отводят экономике подчиненную роль по отношению к более высоким социальным сферам — религии, морали, политике, полагая экономическую свободу не только утопичной, но и в ряде случаев вредной. Если неоконсерваторы рассматривают правовую систему как совокупность норм, призванных в идеале выразить универсальные формы социальных взаимоотношений, то консерваторы придают юридическим установлениям принципиально национальный характер, считая, что они закрепляют особенности духа конкретного народа и, следовательно, не могут быть универсальными. И главное различие – неоконсерваторы отстаивают идеалы либерального общества, а консерваторы рассматривают либеральную экономику в качестве гибельного пути западной цивилизации и, отрицая также и социализм как гипертрофированное развитие буржуазных ценностей, обращаются за поисками своего идеала к Средневековью и даже антике, греко-римскому миру, язычеству [Гусев 1994].

Сегодня носителем неоконсервативных ценностей, ценностей порядка выступает не только и не столько традиционалистская периферия, но и в своем большинстве городской средний класс. Запрос на порядок, “новый порядок” в первую очередь исходит именно от этого нового российского среднего класса, сформировавшегося за последнее десятилетие с небольшим. Среднему классу нужен твердый государственный порядок, гарантирующий ему завоеванное место, он патриотичен, пусть хотя бы на словах, он даже националистичен. Однако именно ценности среднего класса оказались “утопленными” в общей массе консерваторов национал-патриотической ориентации, доминирующих в политической жизни России 2014–2015 гг. Если зафиксированная мной ранее “неоконсервативная волна” была формой поиска порядка в постсоветской буржуазной России и отвечала запросам нового среднего класса, то консервативная революция – это апелляция к идеям традиционного общества, общине, народной религиозности, то есть к тому, что в современной России если и можно найти, то лишь на уровне деклараций и парадных символов, а не в реальной жизни. По сути, при некотором внешнем сходстве, это разнонаправленные процессы. В 2002 г. мною был сделан, возможно, неосторожный вывод о том, что «происходящая на наших глазах в стране “неоконсервативная волна” окончательно хоронит перспективы “консервативной революции” с воссозданием традиционных русских доминантов» [Бызов 2002], на что башкирский социолог А. Буранчин тогда справедливо заметил, что это утверждать “на наш взгляд, пока еще рановато” [Буранчин 2010]. Действительно, реставрация парадных атрибутов консервативной революции происходит во многом вопреки законам исторической логики, но какое за этими атрибутами скрывается политическое и социальное содержание?

Самое простое, лежащее на поверхности объяснение общего тренда в направлении консервативных идей – реакция, пусть и несколько запоздалая на отклонение маятни-

ка истории в противоположном направлении, когда в начале 1990-х гг. пришедшие на волне перемен и общественных ожиданий “демократы” оказались несостоятельными в выстраивании постсоветской государственности. Как отмечает на “Портале РБК” политолог Н. Петров, “общество, бродившее по пустыне два–три десятилетия и изживавшее советские черты, переходя к новой нормальности, вновь вернулось в Египет” [Петров 2015]. По мнению Э. Паина, подобные возвратные процессы являются закономерными, но не долгоживущими трендами – “возрастание спроса на антидемократические формы политической организации общества и откат к соответствующим социальным практикам – проходящая закономерность” [Пайн 2011]. Всплеск социальной архаики можно объяснить тем, что перемены, подобные происходившим в России 20 с лишним лет назад, вовлекают в общественную жизнь ранее законсервированные очаги общинного строя: «Люди, попадая в новую для них обстановку городов, лишены старой системы ориентиров и ценностей. Возникает ситуация, когда традиционные регуляторы их поведения, основанные на нормах сельского общества, уже разрушены, а новые еще не сформировались. Это явление, описанное впервые во время урбанизации XIX века в Америке и Западной Европе, получило название “аномия”» [Руссо 2015].

Тем не менее возникает вопрос: а почему эта реакция оказалась отложенной почти на два десятилетия? Что в ней закономерно, а значит – неизбежно, а что приходится и связано с текущей политической конъюнктурой? И как оценивать нынешний консервативный тренд с точки зрения долгосрочных перспектив страны? С одной стороны, по мнению одних экспертов (И. Юргенс, В. Иноземцев), подобное состояние общественных “заморожек” создает большие проблемы на путях становления современной политической нации и формирования стабильных государственных и общественных институтов [Юргенс 2014; Иноземцев 2014]. С другой стороны, не менее, а пока, судя по всему, даже более распространена противоположная точка зрения, согласно которой именно в результате произошедшей поляризации массового сознания и формирования “ценностного большинства” в стране идет процесс национального подъема и обретения обществом необходимой для развития национальной субъектности. Россияне воспринимают прошедший год как год, когда произошло долгожданное объединение людей. Наше общество было разрозненно (и до какой-то степени таковым и остается). Поэтому, когда произошел некий подъем русского национального духа, люди испытывали чувство национального единства. Действительно, даже невооруженным социологическими методиками взглядом отчетливо видно, насколько изменилась психологическая атмосфера в обществе за последние два–три года. За этими переменами не может не стоять эволюция системы ценностей, определяющих отношение россиян к происходящим в стране событиям. Если общая тенденция к формированию консервативного большинства возникла не вчера и не сегодня, а еще в самом конце 1990-х гг., и лишь набирала силы последние 15 лет, то в последние годы на этот естественный процесс наложилась ценностная переконфигурация, наметившая глубокую ценностную поляризацию за счет распада политического центра (“путинская метаидеология”, характерная для “нулевых”, вобравшая в себя ценностные парадигмы с различных сегментов общественного мнения) и усиления влияния флангов, в частности радикально-консервативной идеологии, отчетливо проявившей себя в ходе украинского кризиса.

Чтобы несколько подробнее остановиться на феномене “метаидеологии”, вернемся немного назад, в благополучные и стабильные “нулевые”. Именно тогда, как свидетельствуют результаты всех исследований того времени, на место расколу общества по идейно-политическим основаниям, определявшему вектор политических трансформаций в первой половине 1990-х гг., приходил идейно-политический и ценностный синтез. В последовавшие годы он постепенно стал основой “метаидеологии”, обрел социальный фундамент в виде нового среднего класса, отражающего стабилизацию социальной структуры общества, получил определенное теоретическое обоснование со стороны властей (пресловутая концепция “суверенной демократии”), даже обрел черты официальной идеологии.

Внешне оставаясь эклектичным набором зачастую противоречащих друг другу идеологем, идейно-политический синтез постепенно обретал и некую внутреннюю целостность. Для объяснения подобного феномена политологи ссылаются на феномен синкретизма, слабой расчлененности массового сознания. Множественность парадигм воспринимается на уровне глубинных архетипов как болезненное состояние, раскол, предчувствие гражданской войны. Люди голосуют за “единство”, даже наступая на горло собственным взглядам и симпатиям, ориентируются на власть, объединяющую общество, реализующую общенациональную субъектность.

Тяга к единению сыграла свою значительную роль в дискредитации политической оппозиции, даже если на уровне заявлений и деклараций с ней соглашались. Общество смирилось и даже скорее поддержало меры по построению административной вертикали, включая отмену прямых выборов глав субъектов Федерации, одновременно осознавая, что эти меры лишают граждан части их прав на волеизъявление. На мой взгляд, более обоснована точка зрения, согласно которой феномен объединения общества вокруг “партии власти” – не проявление “вековой русской соборности”, а сопряжен одновременно с безразличием, общественно-политической пассивностью и носит во многом формальный характер.

“Синкретизм” массового сознания, когда на уровне подсознания каждый гражданин воспринимает себя скорее как часть целого, чем как самостоятельного субъекта, вступает в противоречие с другими данными, свидетельствующими о глубокой индивидуализации общественного бытия современных россиян, их нежелании и неспособности выстраивать социальные связи и проявлять солидаризм. Внешняя эклектичность “метаидеологии” заставляла многих видных исследователей российского общества вообще отказать ей в праве на существование. На уровне массового сознания они видели в ней только “кашу в головах”, а на уровне политики – только популизм, стремление подыграть массовым настроениям и ничего не делать, ничего не менять. Эту точку зрения в свое время ярко изобразил Д. Фурман: «Перечисление противоречий и курьезов можно продолжать до бесконечности. Получается какая-то “каша”, набор противоречащих друг другу и гасящих друг друга представлений. Эта “каша” не может дать мотивации ни для какой ясной политики» [Фурман 2008].

Однако это лишь один взгляд, беспорно, имеющий право на существование. Но нельзя не признать и того, что такая эклектичная квазиидеология вполне устраивала большую часть тогдашнего общества и отражала вполне объективную реальность, связанную с тем, что либеральные реформы в их целостном виде зашли в явный тупик. Но и полного реванша не последовало, возникла конфигурация интересов вокруг компромиссного решения, предложенного в то время властью – постепенное развитие, модернизация с сохранением социальных гарантий и сильного государства, занимающегося перераспределением денежных потоков. С сегодняшних позиций этот компромисс воспринимается уже как очень большое достижение той эпохи. В ходе этого процесса носитель неоконсервативных идей, принявших форму “метаидеологии”, – российский “новый средний класс” уступил свое место в формировании “повестки дня” флангу, – носителю радикально консервативных, национал-патриотических идей. Ну а “общественное болото”, привыкшее ориентироваться на власть, сделало разворот вслед за изменениями “генеральной линии” и переориентировалось на радикально консервативную идеологию. Воспроизведем вкратце основные этапы, приведшие общественное мнение к нынешнему состоянию.

Начало зимы 2011 года. Нарастает недовольство властью и ощущение ее слабости – толкни, повалится. Вокруг городской разночинной интеллигенции, ставшей ядром протестных акций, собираются и либералы, и левые, и значительная часть националистов и просто популисты – разоблачители коррупции. Маячит угроза объединения всех недовольных против власти.

2012 год. Власть делает все, чтобы не допустить объединения недовольных. Ради этого с помощью политтехнологий² (дело Pussy Riot, законы о гей-пропаганде, НКО, защите святынь) вбивается клин между либералами и недовольными из “простых”. Либералы демонизируются, и простой недовольный жизнью обыватель выбирает власть как меньшее зло по сравнению с либералами. Уровень протестности несколько снижается, но главное – протесты обретают разное направление и взаимно гасятся.

2013–2014 годы. Киевский “майдан” и история с присоединением Крыма создает атмосферу внешней угрозы, исходящей от США и их “фашистских прихвостней” на Украине. Внимание недовольных переключается с внутренних проблем на внешние, защитить от которых может только власть. Почти до нуля падает протестность в левом секторе, среди бедных слоев общества, вдвое снижается протестность среди националистов, половина из которых перешла к поддержке власти, протест локализуется в крайне ограниченном сегменте “русских западников”, последовательное ядро которых составляет 3–4%, а колеблющаяся периферия – еще 16–17%. Среди лояльных власти сегментов начинают доминировать национал-социалистические идеи – социальной справедливости и национального единства перед внешней угрозой.

Итак, “консервативная революция” (специально беру этот термин в кавычки, потому что его реальное содержание совершенно не соответствует его форме) остановила процесс собирания новой российской политической нации вокруг синкретической лево-правой метаидеологии и воссоздала ситуацию общественной поляризации, едва ли не гражданского противостояния, с “военными” терминами в адрес политических оппонентов: “национал-предатели”, “пятая колонна”. (Хотя для справедливости следует вспомнить, что и либеральное меньшинство в 1990-е гг. также пыталось навешивать ярлыки типа “красно-коричневые” на тех, кто не разделяли их взгляды.) Возникает вопрос о социальной базе адептов “консервативной революции”. Ведь, согласно цитированным выше теоретическим источникам, консервативная реакция бывает характерной для переходного общества с сохранившимися элементами и островками традиционализма и общинного строя, не вписавшегося в процесс модернизации, – своего рода “Вандей” времен Великой Французской революции. Однако в современной России, стране мегаполисов, унифицированного городского образа жизни и разорванных горизонтальных связей, этих островков сохранилось так мало, что видеть в их влиянии причину роста консервативных настроений достаточно затруднительно. Зафиксируем три составные части с различным историческим генезисом, составляющие “консервативное большинство”:

1. Сохранившаяся в России периферия с элементами традиционного общества и традиционных горизонтальных связей. Это частично некоторые национальные республики в составе РФ, а также настоящая “русская глубинка”.

2. Та часть городского населения, которая проживает в депрессивных городах, работает на малорентабельных предприятиях и не способна выжить в “свободной” экономике, без прямой поддержки государства. Это наиболее массовый слой россиян, с одной стороны, сохранивший на парадном уровне ориентацию на традиционалистские ценности и установки, нуждающийся в экономической и социальной опеке со стороны государства, с другой – утративший механизмы социальных связей, характерные для традиционного общества, и ориентированный на ценности общества массового потребления, не готовый к любой форме социальной мобилизации.

3. Значительная часть российского среднего класса, появившегося на свет уже в XXI в. Это вполне адаптивная, даже буржуазная часть общества, с большими потребительскими запросами и высокой социальной самооценкой. Он заинтересован в сочетании стабильности и развития, сильном государстве и внутри, и вовне, с сильной политикой, со сложившимися правилами игры, если и не исключаящими, то минимизирующими произвол.

² В данном контексте я не обсуждаю качество и или целесообразность самих этих законов и решений.

В то же время данные исследований скорее говорят о том, что в целом значительного количественного роста самого консервативного большинства в последнее время не произошло, скорее поменялся “градус” его настроений, став более разогретым и радикальным. Понятно, что первая группа слишком невелика и удалена от основных информационных потоков, чтобы устраивать “консервативные революции”. Третья группа достаточно велика и по численности, и в еще большей степени по своим информационным ресурсам, но по своим взглядам она в большей степени тяготеет к неоконсервативным идеям. Правда, зависимость нашего среднего класса от государства делает его значительно более конформистским, чем аналогичный средний класс в странах западной демократии. Поэтому очевидно, что именно вторая из перечисленных групп – социальных дезадаптантов – может быть “ядром” консервативного тренда. Это и неудивительно, если учесть, что с 2012 г. “консервативная идеология” становится частью официальной государственной идеологии, а значит, по российским обычаям сразу начинает привлекать к себе наиболее конформистские и подверженные информационному воздействию колеблющиеся или пассивные слои общества. Многочисленные эксперты уже давно называли В. Путина лидером новых консерваторов, и в своем Послании Федеральному собранию президент это сам обозначил, подчеркнув, что Россия сможет противостоять идущему с Запада размыванию норм морали и “хаотической тьме средневековья” (http://piter.tv/event/Putin_protivopostavil_rossijskij_konservatizm_zapadnomu_haosu/).

Среди части интеллектуальной элиты страны все сильнее укрепляется мнение, что опора нынешней власти – консервативная периферия российского общества, численно в разы превосходящая его либеральное городское ядро. Проблема в том, что данная группа по своим общежитским ценностям представляет сегмент современного потребительского общества, не готовый жить по законам “консервативной мобилизации”, а консервативные идеи, принятые им на вооружение, являются срезом его архетипического сознания, ведущим свою предысторию из прошлых периодов и реанимированного в совершенно иных **общественных условиях**.

Основные опорные точки современного российского консерватизма

Если посмотреть на развитие событий через призму текущей политической конъюнктуры, то даже не вооруженным социологическими методиками взглядом становится отчетливо видно, насколько изменилась психологическая атмосфера в обществе за последние два–три года, прошедших после массовых акций протеста рубежа 2011–2012 гг. За этими переменами не может не стоять эволюция системы ценностей, определяющих отношение россиян к происходящим в стране событиям. Важнейшим следствием этой эволюции стал раскол (точнее – фиксация раскола, поскольку сам раскол, пусть и в смягченном виде, имел место и раньше) общества на “консервативное большинство” и прозападное “либеральное меньшинство”, причем, по разным оценкам, первое составляет от 70% россиян и выше, что же касается либерального меньшинства, то, составляя 15–20% и существенно уступая количественно, оно имеет более высокие социальные и образовательные показатели, более высокую степень вовлеченности в информационные процессы, что определяет “вес” этого сегмента в общественно-политической жизни, неравнозначный его численному представительству. И сам этот факт ставит под сомнение приведенный выше тезис о консолидации общества – возможна ли консолидация современного общества за вычетом его наиболее образованного и динамичного сегмента?

Так, утверждение, что Россия должна быть великой державой, разделяется двумя третями опрошенных, это примерно столько же, сколько было в 2012 и 2013 гг.³ Среди опрошенных старше 60 лет таковых 73%, среди молодежи до 30 лет – 63%. Как это

³ Здесь и далее используются данные мониторингового исследования Института социологии РАН, проведенного в октябре–ноябре 2014 г. 3,5 тыс. опрошенных (руководитель – академик РАН М. Горшков).

следует из результатов ряда более ранних исследований Института социологии РАН, в частности проекта “Русская мечта” 2012 г., именно ориентация на Россию как державу – важная составная часть социокультурного кода, выработанного обществом в ходе становления и развития нации. Это традиционное представление о роли российского государства в последнее время все более оспаривается “новорусскими” группами, особенно молодыми русскими националистами, сторонниками создания национального русского государства европейского типа. Всего великодержавную позицию разделяют 66% опрошенных россиян; среди консерваторов, как радикальных, так и умеренных, эта цифра достигает 73%, а в либеральных сегментах общества она ограничена уровнем в 52%. Достаточно стабильна при общем направлении к снижению в период 1998–2014 гг. – установка на то, что Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны (с 29 до 25%). Сегодня с этим соглашаются 32% молодых россиян и всего 18% тех, кому больше 60 лет. Антизападничество сегодня – важная составная часть социокультурного кода консервативного большинства. Украинский кризис показал, что это большинство охотно солидаризовалось с представлениями о том, что “никаких международных законов не существует”, все решают сила, интересы, чувство справедливости, как в случае присоединения Крыма, и справедливость важнее законов и международных соглашений. Доля тех, кто считает, что “всегда следует соблюдать законы, даже если они несовершенно”, упала к осени 2014 г. до исторического минимума в 19%. Необходимость в стране “жесткой руки”, которая наведет порядок, даже в ущерб свободам и политической демократии, находит поддержку 70% опрошенных (на 7 процентных пунктов больше, чем два года назад). Однако эта позиция неконсенсусна, так как с ней согласны лишь около 35% представителей либерального, “новорусского” сегмента общества. Зато мечту о твердой руке поддерживают 89% консерваторов.

Данные исследований при всей видимой яркой поляризации общества все же позволяют говорить, что реальное идеологическое соперничество происходит не между двумя полюсами – консерваторами и либералами, а, учитывая сохраняющееся преобладание в центральной части политического спектра синтетической, частично консервативной, частично либеральной идеи, – скорее между тремя. Это **левоконсервативная идея**, связанная с укреплением национальной государственности и восстановлением базовых принципов социальной справедливости. Это **леволиберальная (социал-демократическая) идея**, делающая акцент на тех же принципах социальной справедливости в пакете с общедемократическими свободами, европейскими политическими ценностями, экономической и социальной модернизацией. И наконец, это **либерально-консервативная идеология**, во многом совпадающая с основным вектором политического курса, связываемого с эпохой “нулевых”, которая как бы потерялась сегодня в условиях ценностного противостояния флангов.

Безусловно, в последние годы произошла реанимация многих архетипов, входящих в социокультурный код российской нации. Однако эти архетипы далеко не всегда затрагивают мотивационный блок массового сознания. Те, кто сегодня пытаются в качестве “нового путинского большинства” предложить консерваторов-традиционалистов, не учитывают качество этого самого “традиционализма”, существующего подчас лишь как элемент автостереотипа наряду с представлениями о соборности, коллективизме, духовности и прочих атрибутах русского самосознания. Не всегда верная интерпретация содержательной составляющей данной группы часто приводит к ошибочному мнению, что в современном российском обществе продолжают доминировать идущие от общинных ценностей настроения и установки.

Подтверждают сделанные выводы и ответы на вопрос о том, какие идеи и лозунги в наибольшей степени выражают представления опрошенных о желаемом будущем России (см. табл. 1). Вопрос предполагал возможность выбора до трех вариантов ответа. Лидирующие позиции и в этом случае занимают базовые ценности консервативного большинства – социальная справедливость (47%), национальные традиции, моральные и религиозные ценности (35%), а также ценности великой державы, им-

”Какие из нижеприведенных идей и лозунгов в наибольшей степени выражают ваши представления о желаемом будущем России?”
(в %, возможны до трех вариантов ответа; октябрь 2014 г.)

Варианты ответа	
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	27
Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	26
Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	35
Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в “общеевропейский дом”	11
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	13
Социальная справедливость	47
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	10
Россия должна снова стать великой державой, империей, объединяющей разные народы	32
Ни один из этих лозунгов не выражает мою личную мечту о будущем России	9

перии (32%). Ценности из либерального сегмента – свободный рынок и сближение с Западом – находятся на отметке в 10–11%.

Когда “ценности” трансформируются в идеологии, требующие более жесткого выбора, складывается такая политическая “бухгалтерия”: 35% опрошенных поддерживают идеи консервативного большинства, 16% из них делают акцент на социальной справедливости, 19% – на традициях и могуществе державы (“левый и правый уклоны”). Еще 19% занимают промежуточную позицию между консервативными и либеральными ценностями, выступая за сочетание идеи сильного государства и рыночной экономики. И наконец, лишь 3–5% составляет поддержка партии “европейского выбора”, последний показатель сократился с 10–11% в 2008 и 2010 гг. до цифры, которая уже не позволяет данной гипотетической партии даже пробиться в Государственную думу. Еще 5% – политически убежденные националисты, место которых в рамках противостояния консерваторы/либералы остается не до конца выраженным, хотя события 2014 г. и подтолкнули данную группу в сторону консерваторов-державников и консервативного большинства в целом.

Таким образом, можно отметить умеренную консолидацию и рост сторонников консервативных ценностей и одновременное сокращение числа сторонников либеральных перемен. Все это позволяет сделать вывод, что вспышка либерально ориентированной активности 2011–2012 гг. осталась позади или не получила дальнейшего развития. Этот тренд не должен вызывать удивления, так как скорее всего он – реакция массового сознания на тональность СМИ, последние полтора года все чаще апеллирующих к традиции, консерватизму, патриотизму и чаще всего резко негативно отражающих мнения либеральной части общества. Вопрос скорее в другом: насколько этот тренд отражает более глубинные черты общества, чем парадные пласты массового сознания.

Другой важный индикатор системы ценностей и установок – вопрос, связанный с тем, какие идеи и лозунги опрошенные готовы поддержать на выборах в случае, если их выдвинет одна из политических партий. Опрошенным предлагалось выбрать до трех вариантов предложенных закрытий вопроса. Несколько более низкие цифры ответов за 2014 г. связаны с большим числом тех, кто не смогли ответить или отказались отвечать на поставленный вопрос. Наиболее значительный рост поддержки получили такие лозунги, как “возвращение к традициям” (+6%), “Россия для русских” (+4%), “социальная справедливость” (+5%), а снижение на 7 процентных пунктов зафиксировано в отношении лозунга “права человека, демократия”.

Это сравнительно незначительная динамика, которая лишь подтверждает сделанный ранее вывод о небольшой консолидации в обществе консервативных, антилиберальных ценностей и установок. Причем этот тренд, согласно результатам исследования, скорее направлен в сторону лево-националистической части политического спектра. В то же время наиболее популярными лозунгами как были, так и остаются – “сильное государство, заботящееся о своих гражданах”, “социальная справедливость”, “сильная жесткая власть”, “возвращение к традициям, проверенным временем”, а также “права человека, демократия”.

Поддержание высокого уровня лояльности в консервативных сегментах общества, возможно, потребует дальнейшей эволюции политического режима в национал-социалистическом направлении. Программу такого рода выпукло изложил Ю. Селиванов: «Учитывая этот украинский урок, самой России жизненно важно использовать время, оставшееся до практически неизбежного пика конфронтации с Западом, для максимально полной подготовки страны к этому столкновению в экономической, социальной, идеологической и военной сферах. Народ должен сполна ощутить безусловную заботу о нем, высшую справедливость действий государственной власти, отсутствие сильных внутренних раздражителей (типа пятой колонны и вызывающе наглых “сливок общества”), а также прекращение нынешнего тотального засилья разлагающей, прозападной пропаганды в стране» [Селиванов 2014]. Политолог К. Рогов задается вопросом: каково качество “путинского большинства”, сформировавшегося вокруг внешнеполитического вектора власти? По его мнению, «сторонники “нереальности” пресловутой цифры апеллируют к двум политологическим и социологическим гипотезам – эффекту “сверхбольшинства” и эффекту “спирали молчания” Элизабет Ноэль-Нойман. В центре этих гипотез — предположение о страхе изоляции, страхе человека оказаться вне общности, в которой он живет. Эффект “сверхбольшинства” увеличивает число тех, кто говорит “да”, т.е. поддерживает режим» [Рогов 2014]. Я же склонен предположить, что в массовом сознании произошла **реанимация архетипического массового сознания, проявляющаяся в ценностях укрепления державы, антизападничества, русского мира. Настроение общества в целом стало носить более радикальный характер, чем официальная политика власти. Общественному мейнстриму резко противостоит группа либералов-западников, ориентированных на европейский тип развития, ценности демократии и свободного рынка. Голоса же центристов практически не слышны, информационная среда в стране глубоко поляризована.**

Консерватизм как реальность через призму архетипического сознания

Возвращаясь к высказанной выше гипотезе о глубоком противоречии между пластами архетипического и бытового массового сознания, приведу некоторые данные, прекрасно демонстрирующие соотношение между консервативными “парадными” ценностями, идущими от архетипического социокультурного кода, и теми коррективами, которые внесло в них время – эпоха частной жизни и личных интересов (см. табл. 2). Несмотря на “консервативный поворот”, как и 13 лет назад, 67% опрошенных не готовы жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей и 56% полагают, что личные интересы – главное для человека. Приводимое ниже распределение результатов исследования 2014 г. в разрезе возрастных групп, как это и можно было предположить, показывает, что ценность частной жизни и личных интересов в большей степени (на 8–10 процентных пункта) характерна для молодой части опрошенных россиян (см. табл. 2).

По мнению психологов [Яницкий 2000], основные ценностные различия между россиянами заключаются в выборе между социально ориентированным консерватизмом и эгоистическим самоутверждением. В случае предпочтения социально-консерватизма человек ориентируется на кооперацию с людьми, но не в смысле кооператива как инициативного начинания, а в смысле конформного встраивания в

Приоритеты личных и общественных интересов (в %)

Годы опросов	2001 г. ⁴	2014 г.
1. Ради высоких, общезначимых целей можно пожертвовать личным благополучием	34	32
2. Не готовы жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей	63	67

Годы опросов	2009 г.	2014 г.
1. Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	45	43
2. Личные интересы – это главное для человека	54	56

существующие социальные структуры, и ради этого готов на выход за пределы собственных интересов, лояльности друзьям и заботе об окружающих. В случае предпочтения эгоистического самоутверждения, напротив, человек выбирает самостоятельный путь, готов к развитию, самосовершенствованию и созданию чего-то нового, но – в отрыве и даже, возможно, противопоставляя себя любым социальным ограничениям.

Если говорить о динамике, то российское население, по разным исследованиям, на протяжении последних десятилетий медленно переходит от полюса консерватизма к полюсу самоутверждения. Среди новых поколений растет значимость богатства, успеха, гедонизма, самостоятельности и падает значимость всех консервативных и социальных ценностей. Л. Гудков отмечает: "...мне кажется, ни о либеральных, ни о консервативных ценностях в России не приходится говорить всерьез. Есть настроения и реакция на действия власти. В нашей стране, в отличие от других стран, общество как тип социальной организации чрезвычайно слабо. Общество не идеологизировано. Именно поэтому я не стал бы говорить ни о консервативных настроениях, ни о либеральных. Они характерны для маргинальных групп, небольших по численности" [Гудков 2014]. Близкую точку зрения излагает В. Петухов: "Деление общества на консервативное большинство, причем обязательно инертное и лояльное, и меньшинство активное, либеральное, оппозиционное, – ...выдумка. Эмпирически это никак не подтверждается – хотя бы на том основании, что либеральный сегмент (если мы даже его признаем таковым) и консервативный – оба они меньшинства, причем меньшинства не очень значительные. А большинство – это огромная, неструктурированная масса населения, около 60%, которая вообще не имеет никаких идеологических, политических предпочтений. Если уж ее характеризовать, то это скорее консюмеристское большинство, ориентированное на потребительские, жизненные стратегии, которых по большому счету вообще не интересует что-либо, выходящее за рамки их интересов и интересов их ближнего круга" [Петухов 2014].

Не раз приходилось фиксировать внимание на том обстоятельстве, что консерватизм современных россиян в значительной степени носит показной, декларативный характер и слабо подтверждается их образом жизни, поведенческими установками, готовностью к мобилизации и другими важными ценностно-мотивационными атрибутами. На практике мы наблюдаем атомизированное посттрадиционное общество, живущее в соответствии с индивидуальными стратегиями выживания и ориентированное на ценности массового потребления, с во многом разрушенными семейными традициями, низким уровнем солидаризма и самоорганизации. Это тот случай, когда матрица общественного автостереотипа, представлений общества и нации о самих себе резко

⁴ Исследования 2001 и 2009 г. были выполнены в рамках социологического мониторинга Российского независимого института социальных и национальных проблем и Института социологии РАН.

противоречит объективным оценкам состояния общественной морали и правосознания. Однако сфера политического выбора, формирования массового сознания в государственно-политической сфере во многом относится также к сфере “идеального”, декларативного и как результат на практике в большей степени воспроизводит архетипические пласты сознания, чем реальные интересы и мотивации. Конечно, российская правящая элита, обладая фактической монополией на телевидение, может формировать общественное мнение практически по любому вопросу. Общество, в свою очередь, в выражении собственной позиции балансирует между безразличием и разными типами радикализма. В любой момент власть может отказаться от компромиссов – и получить поддержку общества. Однако все списывать на одни лишь политтехнологии было бы тоже несправедливым.

“Посткрымская” картинка образца 2014 г. наложилась на целый комплекс архетипов, установок, фобий, которые в совокупности и образуют нечто, которое можно охарактеризовать как социокультурный код нации или архетипический пласт его сознания. Внешнеполитическая повестка дня затмила в 2014 г. внутривнутриполитическую, включая социально-экономическую проблематику, и стала определяющим фактором для формирования общественных настроений. Достаточно отметить в этой связи то, что 79% россиян поддерживают экономические санкции против Запада, введенные российским правительством, а также возможные ограничения на выезд за рубеж – по принципу “на войне, как на войне”. А ведь еще совсем недавно население страны было крайне чувствительным к любому ущемлению их непосредственных интересов, в отличие от интересов политических и общегражданских. Синдром “крымской мобилизации” оказался намного сильнее во многом потому, что разбудил в россиянах частично спавшие до нынешнего момента, но, как оказалось, всегда готовые проснуться выработанные историей страхи, мифы, архетипы (восприятие и оценки самих себя, других народов и стран, образы “внутреннего” и “внешнего” врага). Напомню в этой связи некоторые результаты проекта “Русская мечта”, проведенного Институтом социологии РАН два с лишним года назад. Тогда я писал, что к цивилизационным характеристикам русской мечты, которые в значительной степени коррелируют с тем, что мы определили как социокультурный код, эксперты относят: православие; сильную централизованную власть; имперскую внешнюю политику; духовность в противовес меркантильности. Все эти четыре важнейших пункта, выделенных экспертами, являются своего рода культурологическими штампами, содержание которых, особенно в настоящее время, представляется далеко не столь очевидным. Если эти ценности более или менее точно отражали цивилизационные доминанты исторической России, Российской империи, то остается открытым вопрос: в какой степени эти доминанты работают в России сегодняшней. Тем более, что, как показали результаты опроса населения, эти ценности воспроизводятся консервативным большинством в качестве “парадных”, но “по жизни” носители этих ценностей далеко не всегда готовы им следовать (см. [Бызов 2013]). Особенно сильно проявляется следование “державному” архетипу о представлениях места России в мире среди россиян старшего поколения, однако данные исследований не позволяют говорить о пропасти, разделяющей россиян по возрастным группам.

* * *

В заключение попытаемся дать свой ответ на вопрос, вынесенный в самое начало данной статьи, – способствует ли нынешний консервативный тренд образованию консолидированной политической нации, или же, напротив, тормозит этот процесс? Представляется, что здесь имеют место две противоречащие друг другу и направленные в разные стороны социокультурные тенденции. Те упрощение, вульгаризация социальных отношений, снижение массового уровня культуры, которые отчетливо проявляются в российском обществе последние 20 лет, некоторые связывают с наступлением традиционализма на отношения модерна и постмодерна, своего рода сполза-

нием в средневековье. Однако более внимательный анализ показывает, что все эти процессы – следствие распада государства и социальных структур и, как следствие, примитивной самоорганизации социума.

Но новый традиционализм так возникнуть не может, для него просто не существует социальной базы в виде общины, неформальной традиционной иерархии со своими символами и мифами. Традиционное общество, как это показано во множестве исследований, обладает огромной потенциальной энергетикой, высвобождающейся при его разложении, что мы и наблюдали в первой половине XX в. в России, когда коммунистическое общество строилось именно руками вчерашних крестьян, переехавших в город, но во многом сохранивших ментальность и ценности традиционной общины. То же или почти то же самое мы сегодня наблюдаем в поведении диаспор, до поры до времени ведущих тихую неприметную жизнь в своих “аулах”, а сегодня, вырвавшись на “оперативный простор”, превратились в грозную, неуправляемую силу с ее высокой витальностью, готовностью подчинить свои интересы общим целям, национальным или религиозным, готовностью жертвовать жизнью ради этих целей. В то же время можно предположить с высокой долей вероятности, что через те же два–три поколения во многом аналогичная участь постигнет и выходцев из нынешних диаспор, хотя европейский опыт способен заставить скептически отнестись к этой перспективе. Они адаптируются – нет, не к русскому миру, связи с которым теряют или уже почти потеряли и сами современные русские, а к унифицированному и почти вненациональному образу жизни человека эпохи массового “шопинга”. Присущая им пассионарность улетучится, а религиозные обычаи превратятся в ритуал, о котором вспоминают от случая к случаю, по большим праздникам. Именно поэтому “западные фобии” в сегодняшней России далеко не во всем следует интерпретировать буквально. По своей социально-культурной составляющей сегодняшняя Россия – страна индивидуализированная и во многом вестернизированная. “Восток” с его культом “коллектива”, подавлением личности, патриархальной семьей, в отличие от “Запада”, и культурно, и социально чужд современному россиянину. И думается, никакие политические и геополитические устремления на Восток (или вглубь минувших веков) этой реальности не отменяют.

Можно согласиться и с тем, что, пожалуй, главным отличием правовой и политической системы России было и остается верховенство неписаных, нигде не зафиксированных законов и договоренностей над формальным правом. Это очень важно, и сегодня является главным социокультурным барьером, преграждающим путь страны в сторону мировой цивилизации. Уже приходилось отмечать, что наша политическая система так и осталась фактической квазимонархией, очень своеобразной, при которой должность монарха, “отца нации” передается по очень сложной, нигде не прописанной процедуре внутриэлитного торга, а республиканский строй с выборами, парламентами, разделением властей – если не во всем, то во многом оказывается некоторой бутафорией. Фактическими монархами становились и генсеки, и всенародно выбранный первый президент “свободной России”, и его политические наследники.

Значит, это не столько злая воля или неумеренное властолюбие наших правителей, сколько объективное требование системы. Впрочем, и здесь можно предположить, что дело не только и не столько в Востоке как таковом, сколько в самой конструкции чрезвычайно сложно устроенной и асимметричной территориальной империи, которая просто не может управляться на основе общих и прозрачных правил, предусмотренных нормами современной западной демократии. Не случаен в этой связи настрой определенной части российских националистов, выступающих за демократическое национальное государство по образцу европейских стран (К. Крылов, В. Соловей и др.). Их называют “кляйн-националистами”, которые в отличие от “гросс-националистов” стремятся не увеличить территорию государства, а уменьшить, сведя до коренных русских регионов. В чем-то они правы: в той стране, которой сегодня является РФ, западной демократии в обозримом будущем не будет.

Культурологический анализ российской части “русского мира” позволяет высказать предположение о том, что он несет в себе гораздо больше отпечатков событий XX в., в особенности его первой половины, чем это можно было бы предположить. Именно в этот период российский социум стал своего рода “плавильным котлом”, перемешавшим этносы и сословия. Огромные массы людей оказались сорванными со своих корней, бывшие крестьяне устремились в города, значительная часть населения погибла в ходе революций, войн и государственного террора, произошел социокультурный разрыв с жизнью предшествовавших поколений. В этот период сформировалась российская протонация, окончательно оформившаяся в ходе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Ее ценности представляют собой синтез традиционных российских и советских ценностей и идеологий, для них характерны консерватизм, патернализм, антизападничество, тяга к сильному государству, стоящему над индивидом, идеи национал-социалистической направленности, это своего рода “Россия-1”, выражаясь языком А. Дугина [Дугин 2012].

Сегодня “Россия-1” трансформировалась в то самое “консервативное большинство”, о котором шла речь выше. Оно не столь цельно и монолитно, как это можно представить себе из результатов массовых опросов, от него постоянно “оттаивают” и отходят группы, этносы и регионы, в основном находящиеся на периферии “России-1”, эти группы в их наиболее последовательном виде скорее обращены на Запад, к западной системе жизненных и политических ценностей, обществу массового потребления, ограничению роли государства, политической демократии, самоценности индивида и его частной жизни, неготовности к жертвам и ограничениям.

Параллельно “России-1” формируется “Россия-2”, новорусская нация, отличающаяся собственным архетипическим кодом, социокультурными и социальными характеристиками. Появление “России-2” вызвано на свет теми социокультурными трансформациями, которые произошли в России и ее ближайшем окружении уже во второй половине XX в. – ценностной революцией 1960-х гг., распадом СССР и формированием постсоветского среднего класса, сменой поколений. Граница между “Россией-1” и “Россией-2” находится в постоянном движении, во времена политических “оттепелей” значительная часть общественной “середки” по многим параметрам переходит в “Россию-2”, а во времена “заморозков” снова начинает примыкать к “России-1”. В спокойные, стабильные периоды обе России относительно мирно сосуществуют в рамках найденного баланса сил и интересов, во времена политической напряженности – между ними вспыхивают боевые действия, в основном на идеологических фронтах, и тогда появляются такие ярлыки, как “красно-коричневые” или “пятая колонна”, и оживает угроза гражданской войны.

Фактически налицо раскол старого “русского мира” на два субэтноса, склеить который оказывается во многом не проще, чем во времена К. Леонтьева Российскую империю, чехов и болгар. А идеологи единства “русского мира”, в основном примыкающие к “России-1”, стремятся сегодня объединить “русский мир” именно на своем поле, подавив противостоящие им субэтнические группы из “России-2”. Во многом то же самое, только с обратным знаком, мы наблюдали в первой половине 1990-х гг., когда политически победившая в то время “Россия-2” пыталась организовать силовое подавление “России-1”. Нарушение внутривнутриполитического баланса между новороссами и старороссами в РФ в пользу последних привело к консолидации колеблющейся части россиян внутри самой России вокруг идей “России-1”, а вне России – к консолидации вокруг идей “России-2”. Если вы – на Восток, в Азию, то мы – на Запад, в Европу.

“Русский мир” если и существует, то только как культурное и языковое явление, а не как политический проект. Политически и идеологически он глубоко расколот. 2014 г. ясно показал, как тонка грань, отделяющая “худой мир” от настоящей войны, как легко переходит в гражданскую войну противостояние разных цивилизационных миров, невзирая на общую этничность и длительный исторический путь, проделанный вместе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буранчин А.М. (2010) “Неоконсервативная революция” в России: итоги путинского десятилетия. “РБ-21 Век” (<http://www.rb21vek.com/382-neokonservativnaya-revoluciya-v-rossii-itogi-putinskogo-desyatiletija.html>).
- Бызов Л. (2014^a) “Анатомия консервативного большинства” // Портал “Перспективы” (http://www.perspektivy.info/rus/gos/anatomija_konservativnogo_bolshinstva_2014-03-12.htm).
- Бызов Л. (2013) Контуры новорусской трансформации. М., РОССПЭН.
- Бызов Л.Г. (2010) “Неоконсервативная волна” в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // Мир России. № 1. С. 3–44.
- Бызов Л.Г. (2014^b) Новое консервативное большинство как социально-политический феномен // Мир России. № 4. С. 6–34.
- Бызов Л.Г. (2002) Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. № 1. С. 6–43.
- Гудков Лев (2014) “Это не консерватизм!” (<http://slon.ru/calendar/event/1062505/>).
- Гусев В.А. (1994) Консервативные идеологии // Социологические исследования. № 11. С. 129–134 (http://ecsocman.hse.ru/data/839/894/1217/014_gusev.pdf).
- Дугин А. (2012) Россия, Путин и гегемония (<http://www.odnako.org/magazine/material/gossiya-putin-i-gegemoniya/>).
- Иноземцев В. (2014) На повестке дня крестовые походы (<http://www.vedomosti.ru/opinion/opinions/2014/03/27/24545371>).
- Паин Э.А. (2011) Волновая природа традиционализма на рубеже XX–XXI в. // Общественные науки и современность. № 2. С. 43–56.
- Петров Н. (2015) Россия в штопоре (<http://daily.rbc.ru/opinions/politics/10/02/2015/>).
- Петухов В. (2014) Консерваторов в России мало... (<http://ttolk.ru/?p=21206>).
- Рогов К. (2014) Правда ли, что 83% россиян поддерживают Путина? Форбс, 9 сентября (<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/267487-kak-ukrainskii-konflikt-povliyal-na-putinskoe-bolshinstvo>).
- Руссо М. (2015) Северный Кавказ вчера и сегодня // Полит.Ру. 12 февраля (http://polit.ru/article/2015/02/13/ps_north_caucasus/).
- Селиванов Ю. (2014) России отведен минимум времени // Агентство Regnum, 7 ноября (regnum.ru/news/polit/1864196.html).
- Фурман Д. (2008) Имиджизаторы у власти. Независимая газета, 25 июня.
- Юргенс И. (2014) Развернуть страну назад невозможно (<http://www.novayagazeta.ru/politics/66099.html>).
- Яницкий М.С. (2000) Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат.

Conservative trend in modern Russian society – the origins, contents and prospects

L. BYZOV*

* **Byzov Leontiy** – candidate of economic sciences, senior researcher of the Institute of Sociology RAN. Address: 24/35 Krzhizhanovsky st., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: leonty13@mail.ru.

Abstract

The article contains the analysis of the Genesis, content and perspective observed in modern Russia the trend in increased conservatism – as in mass consciousness, and information and political space. This trend creates the illusion of Association of the company and the power of a single political nation, which was not possible in post-Soviet Russia for more than 20 years. However, this illusory reality facing new threats and challenges – the value of secession and civil war. This trend is “broke” observed in the 2000-ies tend to be aligned with the value of the field around the synthesis of conservative and liberal values and is associated with the synthesis of the request for a new Russian

middle class. It is shown that in the mass consciousness occurred resuscitation archetypal mass consciousness, manifested in the values of strengthening the powers of antiseptically, Russian world. The mood of society in General has become more radical than the official policy of the government. Public mainstream sharply opposed by a group of liberal Westerners, focused on the European type of development, democracy and the free market. At the same time, these values are largely imposed by political circumstances, played a conservative majority as “Grand”, but “life” carriers of these values are not always ready to follow them”.

Keywords: conservatism; neo-conservatism, liberal minority; a conservative majority; the values, ideology, archetypal consciousness; power, anti-westernism, radicalism; “Russian world”.

REFERENCES

- Buranchin A.M. (2010) “*Neokonservativnaya revolyuciya*” v Rossii: itogi putinskogo desyatiletija. “*RB-21 Vek*” [“The Neo-conservative revolution” in Russia: results of the Putin decade. “RB-21”] (<http://www.rb21vek.com/382-neokonservativnaya-revoluciya-v-rossii-itogi-putinskogo-desyatiletija.html>).
- Byzov L.G. (2014^a) *Anatomija konservativnogo bolshinstva* [“The Anatomy of a conservative majority”]. Portal “Prospects”. March (http://www.perspektivy.info/rus/gos/anatomija_konservativnogo_bolshinstva_2014-03-12.htm).
- Byzov L. (2013) *Konturi novorusskoj transformazii* [Contours of a new Russian transformation]. Moscow: ROSSPEN.
- Byzov L.G. (2010) “Neokonservativnaja volna” v sovremennoi Rossii: faza ocherednogo zikla ili stabilnoe sostoyanie? [“The Neo-conservative wave” in modern Russia: the next phase of the cycle or steady state?]. *Universe of Russia*, no. 1, pp. 3–44.
- Byzov L.G. (2014^b) Novoe konservativnoe bolshinstvo kak sozialno-politicheskij fenomen [The New conservative majority as a socio-political phenomenon]. *Universe of Russia*, no. 4, pp. 6–34.
- Byzov L.G. (2002) Sociokulturnaya transformaziya rossijskogo obshchestva i formirovanie neokonservativnoj identichnosti [Socio-cultural transformation of Russian society and the formation of the neo-conservative identity]. *Universe of Russia*, no. 1, pp. 6–43.
- Gudkov L. (2014) “*Eto ne konservatizm!*” [“This is not conservatism!”] (<http://slon.ru/calendar/event/1062505/>).
- Gusev V.A. (1994) Konservativnie ideologii. [Conservative ideology]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 129–134 (http://ecsocman.hse.ru/data/839/894/1217/014_gusev.pdf).
- Dugin A. (2012) *Rossiya, Putin i gegemoniya* [Russia, Putin and hegemony] (<http://www.odnako.org/magazine/material/rossiya-putin-i-gegemoniya/>).
- Inozemtzev V. (2014) *Na povestke dnja krestovie pohodi* [On the agenda of the Crusades] (<http://www.vedomosti.ru/opinion/opinions/2014/03/27/24545371>).
- Pain E.A. (2011) Volnovaya priroda tradizionalizma na rubezhe XX–XXI vv. [The Wave nature of traditionalism at the turn of the 20th and 21st century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 43–56.
- Petrov N. (2015) *Rossia v shtopore* [Russia in the corkscrew] (<http://daily.rbc.ru/opinions/politics/10/02/2015/>).
- Petuhov V. (2014) *Konservatorov v Rossii malo* [Conservatives in Russia little...] (<http://ttolk.ru/?p=21206>).
- Rogov K. (2014) *Pravda li, chto 83% rossiyan podderszivayut Putina?* [Is it true that 83% of Russians support Putin?]. *Forbes*, September 9 (<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/267487-kak-ukrainskii-konflikt-povliyal-na-putinskoe-bolshinstvo>).
- Russo M. (2015) *Severnii Kavkaz: vchera i segodnya*. Polit.Ru [North Caucasus yesterday and today]. Watered.Ru. February 12 (http://polit.ru/article/2015/02/13/ps_north_caucasus/).
- Selivanov Y. (2014) *Rossii otveden minimum vremeni* [Russia set aside a minimum of time]. The Regnum news Agency. November 7 (regnum.ru/news/polit/1864196.html).
- Furman D. (2008) *Improvizatori u vlasti* [Improvisers in power]. *Nezavisimaya Gazeta* June 25.
- Jürgens I. (2014) *Razvernute stranu nazad nevozmozhno* [To Expand the country back is impossible] (<http://www.novayagazeta.ru/politics/66099.html>).
- Yanitzkij M.S. (2000) *Tzennostnie orientazii lichnosti kak dinamicheskaya sistema* [Values of the personality as a dynamic system]. Kemerovo: Kuzbasvuzizdat.